

ISSN 1226-4490

*International
Journal of
Central
Asian Studies*

Volume 7 2002

**Editor in Chief
Choi Han-Woo**

Institute of Asian Culture and Development

ОБ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ КАЗАХСТАНА:

Б.Т.Туякбаева
Алматы, КАЗАХСТАН

По представляемым эпохам, количеству и разнообразию историко-культурного наследия Казахстан занимает одно из достойных мест среди государств Центрально-азиатского региона. На сегодня выявлено порядка 30 тысяч памятников истории, археологии, архитектуры, градостроительного и монументального искусства. Это землянки неолитического человека 10-4 тысячелетий до н.э. в Западном Алтае и на Урале, дюнные поселения Северного и Северо-восточного Прикаспия, мегалитические постройки эпохи бронзы-менгиры, дольмены, цисты, плиточные ограды в Восточном и Центральном Казахстане, Прибалхашье и Приаралье. Это и остатки поселений, городищ и оборонительных сооружений сакских племен, занимавших территорию между Приаралье, низовьями Сырдарьи, Семиречьем и Балхашем, и раннесредневековые города Южного Казахстана, и огромные по своим территориям до 1000 га средневековые города и агро-городские системы на трассе Шелкового пути, такие как Ак-тобе в Чуйской долине или Древний Тараз, где границы домонгольского города выходили за пределы современного Тараза. Это, наконец, сложное напластование архитектурной и градостроительной культур средневековых казахских городов, казачьих станиц и военных укреплений конца XVI - начала XX вв. в северной и юго-западной частях Казахстана.

В научном и культурном аспектах, историческое наследие Казахстана состоит из двух глобальных явлений цивилизации - древнейших пластов духовной и материальной культуры кочевого мира, положившего начало

миграционным и этнокультурным процессам на территории Евразийского континента и богатейшего наследия оседло-земледельческих культур, городов и поселений, сформировавших среду обитания человека.

ПАМЯТНИКИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА.

Истоки градостроительной культуры в Казахстане имеют несколько путей возникновения:

- Более древний приходится на X-VII вв. до н.э. и связан и с поселениями оседлых и полuosедлых саков в Приаралье и Семиречье.

Города и укрепленные поселения Приаралья, и прежде всего северной части древней дельты Сырдарьи, т.е. самые ранние пласты городской культуры, отмеченные на территории Казахстана, учеными связываются с именами саков. Алан, кангюев, эфталитов, хионитов и многих других племен, сыгравших важную роль в этнокультурной истории евразийских народов. Античные авторы - Геродот, Страбон и другие - называют эти территории "страной дахов", в некоторых источниках - "дайи".

- Другой очаг формирования городской культуры связан с миграцией кочевых племен гуннов, усуней и кангюев из Северного Китая в Семиречье, Южный Казахстан и далее на запад. Он приходится на III-II вв. до н.э.

Древние городища на территории г. Алматы и Алматинской области, нижние слои Тараза и укрепленные поселения в долинах рек Чуи Таласа относятся к периоду образования сакского и гунно-усуньского союзов. Ранние городские системы на среднем течении Сырдарьи и в Отрарском оазисе складываются в первых веках нашей эры на базе кангюйских поселений и под влиянием земледельческого населения Согда.

Эти пути сложения городской культуры сформировали различные структуры городов, которые классифицируются следующим образом:

- древние города Восточного Прикаспия и Приаралья представляют собой двух-, трехъярусные сильно укрепленные городища, в которых центральная замковая часть поселения располагалась на самом верхнем уровне и была окружена оборонительными стенами. С трех сторон, нередко со всех сторон, эта усадьба или группа усадеб окаймлялась расположенной ниже второй, а затем и третьей террасой, так же обнесенных мощными крепостными стенами. Нижние площадки помимо фортификационной функции первоначально служили загонами для скота или использовались в других хозяйственных целях. Позже они так же, как и верхние ярусы, застраивались. Эти города - крепости располагались на расстоянии 2-8 км друг от друга. Их структура совершенно отлична от других городов Казахстана.

- Для северо-восточной части Семиречья характерна одночастная структура городов в виде "торткулей" - торгово-административных центров, городов - убежищ или караван- сараев;

- В юго-западной части Семиречья города приобретают двух частную структуру с цитаделью и шахристаном, имеющими мощную фортификацию и сельскохозяйственную округу, обнесенную длинными стенами.

- Здесь же в средние века, в период Тюркского каганата, возникают крупные города-полисы. В китайских письменных источниках имеются

свидетельства о существовании 30 городов - государств на территории Семиречья Казахстана.

- Города Южного Казахстана формируются по типу среднеазиатских городов с четким трехчастным делением на цитадель, шахристан и рабад, каждая из которых имеет крепостные стены.

Особое место среди памятников градостроительной культуры Казахстана в западном регионе занимают города, вернее, система городов так называемой Джетыясарской культуры, уже упомянутой нами, а среди городов Семиречья и юга Казахстана - города, составляющие систему урбанизации степного отрезка Великого Шелкового пути. На его международном участке, соединявшем Китай со странами Центральной Азии, Среднего и Ближнего Востока, наиболее значимыми были города Алматы, Тараз и Туркестан, являвшиеся центрами различных этнокультурных ареалов прототюркских и тюркских племен.

Алматы - один из древних городов Казахстана, южная столица, научный и культурный центр республики, имеет памятники, которые отражают несколько этапов его развития.

Город расположен на землях, принадлежавших в глубокой древности (Итыс. до н.э.) сакам, вытесненным кушанами. В III в. до н.э. эти племена входят в состав могущественного усуньского государства. Первый этап, относящийся к эпохе поздней бронзы, представлен поселением "Терен - кара" X-VIII вв. до н.э. - III в. н.э. и многочисленными цепочками курганов сакского и усуньского периодов в районе Малой Станицы, ул. Кунаева, Зенкова, Кастеева, в районе аэропорта и поселка Бурундай. Следующий период обнаружен в виде следов пяти средневековых городищ X-XIII вв. н.э. на территории Горного Гиганта, военного училища, Ботанического бульвара и в районе I-ой Алматы.

Еще один этап дореволюционной жизни города фиксируется 1854 годом - это укрепление Верное, Малая и Большая станицы, Татарская слобода и город Верный.

Тараз - древний и самый крупный торгово-административный центр трассы Шелкового пути, в VII-VIII вв. формируется как город-государство тюркешей и карлуков. В этот период он имел радикально-кольцевую агро - городскую систему, образованную радиальным направлением караванных дорог и пятью рядами оборонительных стен. В центре располагались шахристани цитадель с мощной фортификацией, а прилегающая сельская округа была обнесена тремя рядами длинных оборонительных стен. На пересечениях караванных трасс и внешнего кольца стен сооружались кешки - укрепленные замки правителей, контролировавших торговлю, сельскохозяйственные угодья и осуществлявших оборону города. На сегодня сохранились многочисленные монументальные памятники, фрагменты традиционной застройки, радиально-кольцевая планировочная сеть улиц, остатки цитадели, шахристана и длинных стен города.

Туркестан - первая столица казахского ханства, в отличие от других городов юга Казахстана, отчасти более древних и в историческом плане не менее значимых (Отрар, Сауран, Исфиджаб и др.) имеет свои приоритеты. Прежде всего, это сложение здесь духовного и административного центра средневекового Казахстана. Первоначальное поселение относится к IV-VI вв. н.э. В XI-XII вв. между городищем и его некрополем, на пути "Зиирата" возникает обитель суфиев ордена Яссавитов. В XV-XVII вв. здесь формируется кремль-ставка казахских ханов, на территории некрополя сооружаются мавзолеи.

В средневековых письменных источниках, кроме рассмотренных нами городов Шелкового пути, значатся сотни средневековых городов и укреплений, являвшихся центрами ремесла и торговли. Сегодня многие из них находятся в археологическом состоянии. А такие города как

Хурлук, Турбат, Исфиджаб, Кулан, Мирки, Талхиз, Жаркент, Каялык, дали импульс развитию современных городов.

ПАМЯТНИКИ КОЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ.

Особенности духовной культуры и синкретического искусства кочевых племен и народов раскрывают многочисленные памятники материальной культуры: наскальные рисунки и святилища эпохи бронзы, курганные комплексы сакского и усуньского периодов, археологический и этнографический материал от эпохи бронзы до позднего средневековья.

К наиболее значимым памятникам древнего периода, являвшимися культовыми центрами и стоянками кочевников в **Восточной части Семиречья** относятся петроглифы святилища Тамгалы в урочище Анрахай, Ешки - олмес на реке Коксу (III тыс. до н.э.), погребально культовый ансамбль Бесшатыр на реке Или (VII-III вв. до н.э.), курганные комплексы Бурундай в г. Алматы (VIII-I вв. до н.э.), Иссык, Тургень, Жалаулы, Тенлик (V-III вв. до н.э.), гунно-усуньские святилища в урочище Кумурчи (III-I вв. до н.э.) и на территории Алматы.

На территории **Западного Семиречья** известными культовыми центрами кочевого населения были святилище и петроглифы Карасай (II-I вв. до н.э.), курганные сооружения Жеты-тобе и Берккара (V-II вв. до н.э.), маздеистско-зороастрийские храмовые комплексы и поселения в г. Таразе и его окрестностях (VIII-XII вв. н.э.). Со времени арабского завоевания этих территорий в середине VIII в., Разрушения христианских, зороастрийских и других языческих реликтовых мест, очагами духовного притяжения становятся курганные комплексы, некрополи и мавзолеи. Эти центры функционировали и в период ислама, поскольку кочевое население продолжало следовать своим древним традициям. При этом время правления караханидской династии отмечено массовым строительством не мечетей, а

мавзолеев. Такие мавзолеи, как Айша-биби, Бабаджи-хатун, Карахана и Давудбека до настоящего времени являются местами паломничества.

Часть населения Южного Казахстана, несмотря на влияние оседл-земледельческой культуры Средней Азии, продолжала сохранять кочевнический уклад жизни и культурные радиции вплоть до начала XX столетия. С эпохи бронзы и раннего железного века до средневековья сохранились различные памятники, в том числе оттарско-каратауской культуры, свидетельствующие о периодах, миграционных путях и идейно-сущностных основах этнокультурных процессов, происходивших на территории Центральной Азии. Сюжеты охотничьих сцен и шаманских ритуалов петроглифов Арпа-узен, Кой-багар, Кошкар-ата, Суюндык-сай, Ксан, Майдан-тау и Аксу-Джабаглы с изображением людей и животных с закрученными по спирали конечностями, наличие других сакральных животных и знаков - оленей, птиц, солярных, крестообразных и спиралевидных композиций, колесниц - обнаруживают синкретические образы спиралевидных циклов возрождения природы и участия душ предков в этих животворящих процессах. Связанные с этими представлениями зороастрийские наусы могильников Чага в Туркестанском районе, Бори-Жары, городища Джуван-тобе Оттарского района, многочисленные оссуарии VI-IX вв. н.э. более ранний погребально-культовый комплекс Уйгарак VII-III вв. до н.э., а также Тагискенские башни I тыс. до н.э., Бегим-мунара, Сарман - коса Западного региона Казахстана, характеризуют этапы развития этих языческих представлений и ритуалов.

На Устюрте и Мангыстау огромный интерес представляют также намогильные сооружения средневековых некрополей Камыспай, Сенека и др., насчитывающие более 10 тыс. памятников высокого художественного искусства по камню.

В центральном и Северном Казахстане из памятников древнего периода особое место занимают погребальные

комплексы и поселения Ботай, Красный Яр, Тасмолинские курганы, относящиеся к IV вв. до н.э. и фиксирующие время перехода от оседлости к кочевой форме жизнедеятельности.

В целом, памятники Казахстана представляют уникальный пласт общечеловеческой цивилизации и раскрывают глубинные процессы взаимодействия кочевых и оседло-земледельческих народов, определивших сложение общности культур Востока и Запада.

Сообщения древних египетских, античных и китайских авторов, средневековых арабских, персидских и тюркских источников, сведения, содержащиеся в зороастрийских, буддийских и других священных писаниях, многочисленная утварь, предметы археологии, архитектуры, письменности и топонимики свидетельствуют о том, что, начиная со II тысячелетия до н.э. с Востока на Запад по "сакральному пути", - по ходу движения солнца вдоль по Тянь-шаньских гор, что означает с китайского "небесных гор", помимо драгоценных камней, металлов, различной снеди и военной силы, "несли" и свою веру степные скотоводческие племена.

Ярко и убедительно влияние синкретических представлений кочевых племен Центральной Азии на формирование изобразительного искусства народов Среднего и Ближнего Востока обнаруживается при исследовании декоративного убранства памятников архитектуры, относящихся к периодам миграции сюда этих племен.

Необычайно интересен в этом плане эпиграфический декор, обладающий помимо художественного, изобразительного качества, свойственного другим видам орнаментов, еще и текстовой информативностью, в связи с чем архитектурная эпиграфика оказалось способной прояснить многие явления в архитектуре и искусство, как, например:

причину сакрализации архитектурных и художественных форм; семантику солярных, спиралевидных и крестообразных композиций, а также зооморфно-

растительных, зооантропоморфных образов и других полиморфных существ (человеко-птице-животных, сфинксов, грифонов и других).

При этом важно отметить, что возникновение и сложение эпиграфического декора в архитектуре мусульманских стран происходило не в период расцвета Халифата, а в X-XII вв., при активизации и политическом влиянии здесь тюркских династий – Тулунидов, Ихшидитов, Газновидов, Караханидов и Сельджукидов, принявших ислам, и возрождении при них до исламских верований, в частности, в суфийском течении ислама. Максимальное применение в архитектуре эпиграфика получила в государстве Тимура тогда же софийские общины стали пользоваться покровительством знати и достигли подавляющего влияния в духовной жизни народов Средней Азии и юга Казахстана, в значительной степени состоящих к тому времени из тюрко-монгольского этнического элемента.

Дешифровка, прочтение и анализ всего корпуса надписей тимуридских памятников позволили обнаружить систему дифференциации этого вида орнамента в архитектуре, связанную местами размещения надписей на здании, художественными формами письма и содержанием текстов. При этом главные структурные элементы архитектурной композиции, соотношенные по ассоциативно-образным признакам со структурой мироздания, оформлены соответствующими идеологическому их значению архитектурных элементов текстами с определенными художественными формами письма. Так, на ханаке Фхмеды Яссаи в г. Туркистане коранические тексты-слова бога-размещены на фризе, венчающем и опоясывающем непрерывной лентой фасады памятника, барабане купала усыпальницы, михрабной нише-алтаре, воротах рая.

Другая группа надписей – Сунны пророка (хадисы) – использована только на двух главных в архитектурно-композиционном и идеологическом отношении помещениях: усыпальнице и джамаатхане (зал собраний и радений

дервишей), являющихся в своей функции реликтами до исламских верований Хадисами оформлены в них дверные и оконные проемы, т.е. места сообщения двух миров: земного(мирского) и небесного(божественного), что согласуется и с самой личностью Мухамеда - посланика бога. В художественном оформлении хадисов еще больше проступают реминисценции древней символики. Так, тимпан окна джамаатханы, оформленный «светящимися» дисками и хадисом: «Мир – останки и стремящиеся собаки»,-позволяет провести параллель с изображениями мчащегося тигра с диском-душой на хребте из украшения кровли в Китае эпохи Хань и тигров с сияющими человеческими ликами на хребтах в изразце XIII в. из Кашана и в тимпане портала медресе Шир-дор. На присутствие именно этих образов в декоре построек Тимура указывает и упоминания об изображении львов на ныне обрушившемся портале его дворца Ак- Сарай Шахрисябсе, и наличие с культурных головок льва со львятами, венчающих текст хадиса на халках дверей в туркистанской ханаке. «Светящимися» диски участвуют и в оформлении портала усыпальницы, на софите которого также использован хадис, выражающий анимистические представления суфиев о душе и путях познание через нее Господа.

Третью группу надписей составляют богословские сентенции типа: «слава Аллаху и хвала Аллаху», «Аллах – господь, Мухаммед – пророк», эпитеты Аллаха, имена пророка Мухаммеда и халифа Али. Этими надписями оформлены сплошь большие плоскости стен, где тексты зашифрованы в спиралевидные, многократно повторяющиеся геометрические композиции, сблокированные по системе вихревого креста, что обнаруживает факт слияния надписи с синкретическими знаками – спирали и креста, т.е. трансформацию письма в орнамент.

Смысл массового использования таких надписей в оформлении архитектурных памятников проясняет существовавшая тогда философия концепция о деятельной

сущности имен бога и участия их в процессе построения мира. Обеднение же написания текстов по спирали мы находим в учениях шиитов, считавших, что «...души и индивидуумы движутся...под воздействием пророка и восприемника духовного завещания всегда круговращательным движением...».

Таким образом, группа рассматриваемых надписей, заполняющая пространство между фризом и цоколем – верхним и нижним мирами, выражают идею носителей божественного духа, а животворящих процессах природы.

Сложение перечисленных видов эпиграфического декора в архитектуре происходило на обширной территории, охватывающей Хорасан, Хорезм, Мавераннахр и южные районы Караханидского государства. Причем зарождение и ранние этапы развития каждого вида имели самостоятельные русла и протекали в пределах конкретных этнокультурных ареалов. Так, группе южно-хорасанских и хорезмских памятников, расположенных на территориях персомусульманских государств и находящихся в зоне влияния или вассальной зависимости от Халифата, был присущастиительный вид декорирования архитектурных надписей, т.е. вид, не противоречащий запрету ортодоксального ислама изображать живые существа. В архитектуре он стал использоваться с X в. и прежде всего – на архивольтах арок и подкупольных фризах.

Следующие два вида декорирования надписей – почерк сульс, восходящий к плетениям, и спиралевидный эпиграфический орнамент, идущий от зооантропоморфных форм декора, возникают в начале XI в. в центральных и северных районах Хорасана, в период правления там тюркской династии Газневидов. Плетеным почерком первоначально оформлялись только башенные постройки. Спиралевидный же эпиграфический орнамент был распространен вдоль северных границ Газневидского государства. Надписи этой тематики с XI в. стали применяться в оформлении больших плоскостей стен.

С возникновением в конце XI в. Сельджукской империи, объединившей территории Караханидского, Хорезмского и Газневидского государств, и намечается слияние всех видов дикора, сложившегося в определенный канон в эпоху Тимура. Так, плетеное письмо башен «неба» в виде почерка сульс использовалось уже только для коранических текстов (слов бога) и хадисов и размещались они исключительно на сакральных местах здания; спиралевидные надписи (зооантропоморфного происхождения), содержащие богословские сентенции, покрывали поверхности огромных плоскостей стен фасадов; «цветущий» же куфи (изначальная форма декорировки эпиграфики), напротив, занял теперь самое незначительное место – им оформлены лишь картуши надокнами и ниши. Канон предусматривал семантическую взаимосвязь архитектурного и текстового значений эпиграфического орнамента, их синтез, в основе которого положены мировоззренческие концепции суфийских философов о системе построения мира, т.е. здание олицетворяло образ мироздания.

Письменные историки и многочисленные памятники материальной культуры свидетельствуют о том, что эти представления восходят к синкритическим образам кочевых племен Центральной Азии. При этом образ разума-души, заключенной в эпиграфическом орнаменте, нашел свое первое художественное воплощение в виде нимбов с отходящими от них лучами и перлами на наскальных рисунках так называемых «солнцеголовых» существ, обнаруженных в Казахстане, Киргизии и Монголии. Установившейся трактовкой символики этих изображений является солнце. Безусловно, на сложение таких космогонических сравнений оказали влияние и сообщения древних авторов о том, что «солнце являлось господином массагетов», и очевидная схожесть изображений «солнцеголовых» с солярными знаками авестийского ареала,

и неправильных прочтения образов Хварна и Митры как солнечных божеств.

Сравнительный анализ наскальных рисунков «солнцеголовых» существ и письменных свидетельств о культах и ритуалах кочевых народов Центральной Азии позволяют предположить иную трактовку «солярных» изображений. Так, Геродот рассказывает об обычае исседонов, когда «голову покойника обнажают от волос, вычищают изнутри, покрывают золотом и пользуются ею как священным сосудом при совершении торжественных годовичных жертвоприношений». Такой ритуал обнаруживает тождественность его смысла с маздеистскими понятиями о разуме-душе, нетленности и способности перевоплощаться, т.е. с представлениями, кодифицированными впоследствии в Персии. О том, что именно от головы исходило (излучалась) побуждавшая возрождение природы животворная сила души, указывают и обычаи, зафиксированные И.А.Кастанье в при сырдарьинских областях Казахстана, где среди полей на деревьях, заборах и кольях выставлялись головы животных, игравшие, по мнению местного населения роль духов-покровителей жатвы.

По-видимому, эти же представления о средоточении жизненной силы в голове кроются и в бытующей до сих пор у казахов традиции подавать сваренную голову животного особо почитаемому участнику застолья – старейшине рода или главе торжества.

В древних пластах Авесты эта концепция также достаточно отчетливо прослеживается. Так, воздействия Хварна (сопровождающего Йиму) на природу несут, безусловно, характер животворящей силы: «У него пища неиссякаема. Не умирающие скот и люди, не пересыхающие воды и растения». При этом сам Хварна, «несущий бессмертие», сотворен Маздой и жертвенными возлияниями. Эпитеты зримых черт Хварна – «сияющий... сверкающий... пышный...» -также близки к рисункам изображений «солнцеголовых». Способность же души отделится (от

человека), отлететь в Авесте выражена в аллегорической форме; на глазах у всех от него Хварна в облике птицы отлетели. В этом фрагменте обнаруживается факт перехода синкретических представлений о душе к аллегорическим образам птицы-души.

Смена представлений, эквивалентная образно-знаковым символам, наблюдается и в самих ритуалах и обрядах, воплощавших (в жизнь) идею метемпсихоза (перехода души) из одного существа в другое, осуществляемое двумя способами инициации человека. Первый - прямой, "когда достигшие старости изрубливаются вместе с бараниной и в таком виде поедаются, второй - посредством хищных животных и птиц, когда проживших более семидесяти лет "выставляли" в пустынные места на растерзание собакам или птицам".

Впоследствии ритуалы выставления были канонизированы зороастрийским жречеством, а мировоззрение о перевоплощениях распространилось на весь евразийский континент. Соответственно это нашло отражение и в изобразительном искусстве - в образах полиморфных мифических существ: с финксов, грифонов, крылатых коней, козлов, птице -женщин и др.,- воплощающих в себя объединенные образ человека -птице - животных, трижды перевоплощенной души. Предание им человеческих черт, в особенности ликов (отражений разума-души) указывает на их человеческий исток (душу), некогда поглощенную хищником. Идея же нимбов «солнцеголовых», теперь уже в образе нимба - Хварна, получила воплощение в ритуалах инвеституры и "венчания" царей - посланников бога на землю.

Исключительно ценную связь «солнцеголовых» и благодетельствованных Хварна царей дает нимб из цепочки перлов, окружающих головы «солнцеголовых» и царей, а впоследствии и христианских мучеников, причисленных после смерти к святым. Такие нимбы известны прежде всего по обширному нумизматическому материалу греко-

бактрийского ареала, где, как известно, влияние зороастризм. На монетах куша, эфталитов, тюрко-согдийских владык и хорезмшахов, традиция оконтуривать перлами их портреты продолжалась.

Рассматриваемое нами мировоззрение отразилось и в архитектуре. Одним из таких памятников является искодарский михраб, где фестончатая ее ниша образует на срезе фасада контур многолопастной арки - формы, получившей с X в. широкое распространение в архитектуре мусульманского Востока. Ранние примеры таких конх и дают памятники византийского искусства, сложение которого, как известно, происходило в период т.н. "варварских вторжений" на территорию Римской империи. Так, в г.Равенне, являющемся центром византийского наместничества в Римской империи, в оформлении аркатуры из церкви Сан-Франческо на уровне пяти арок веером от голов рельефных фигур Христа и апостолов, установленных в нишах, отходят нервюрные фестончатые нимбы, служащие одновременно и конхами сводчатых ниш. По форме эти нимбы-конхи аналогичны нервюрному полукуполу ниши искодарского михраба. О том, что такая преемственность отражает не просто восприятие художественных традиций, а имеет связь с кочевым миром, свидетельствует факт, что с XI в. и особенно в XIII в. с усилением роли тюрко-монгольских народов в жизни исламизированного Востока в искусстве этого региона завуалированная в различных формах идея нимбов приобретает открытые черты. Мусульманские святые и правители теократического государства в горельефах, росписях, в книжных миниатюрах стали наделяться традиционными для христиан изображениями диско-нимбов вокруг головы. Например, человек с нимбом изображен на настенной живописи (XI в.) из Фукс-тата, люди с нимбами представлены на миниатюре из рукописи "Макамат" Аль-Харири (XIII в.) человек с нимбом высечен на рельефе арки ворот талисмана (1221 г.) в Багдаде и др.

Идеологическую взаимосвязь арок и нимбов обнаруживает и трехлопастная ниша михраба мечети Шир-Кабир, напоминающая силуэт человека или натиск, которой эпиграфическим поясом говорит об однозначности идеи нимба с многолопастными арками и с эпиграфикой, символизирующих продукт человеческого разума, происходящего от бога. Арки при этом означают границу небесного божественного и земного миров, о чем свидетельствует факт использования их рисунка в тематике рельефов культовых погребальных предметов не являющихся зданиям (например, таких, как упомянутый нами саркофаг из Равенны; самаркандские и баянайманские оссуарии и серебряные сосуды VI-VII вв. из Слудки, Лимаровки и Квацпилеево; рельеф фриза из дворца тюркских правителей на Куйрук-Тобе в образе, где изображения архитектурных деталей - колонн, арок, фриз не отражают тектонику и назначение самих предметов, а несут исключительно декоративную функцию и вместе с другим декором рельефов (тоническими божествами) выражают художественный образ мироздания. Цепочки из перлов, оформляющие архивольты арок Маздеистско-зороастрийским оссуариев, так же, как нимбы в арках христианских намогильных памятников и эпиграфику на архивольтах арок в мавзолеях уже исламского времени следует отнести к категории синкретических знаков, отражающих представления о разуме-душе.